

Это событие, хотя и странное, не могло считаться чем-то из ряда вон выходящим, и спустя несколько дней всё снова вернулось к привычному спокойствию и гармонии.

Лекарство Хуа Фэйбая, конечно же, было превосходным, а тело Цзюнь Улэй с детства было возвращено на причудливых и странных на вкус грибах линчжи и эликсирах бессмертия, так что он был крепок, как бык, и уже через пару дней снова мог бегать и прыгать, продолжая свои бесчинства в Царстве духов!

Прославившийся далеко за пределами Города упокоения феникса Цзюнь Улэй демонстрировал свою удаль на улицах и переулках, и куда бы он ни направлялся, везде поднимался шум и гам, вызывая стоны и проклятия жителей Царства духов, которые мечтали содрать с него кожу и вытянуть жилы!

Дорогие чернила старейшины Вэнь Хэ оказались на платформе очищения сердца тигрицы с Западной горы; ослепительная цитра Цзы Лу чуть не была сожжена в кухне Дворца сияния; священный зверь, охраняющий гору Храма Сюаньюань, ворвался в купальню Чжи Сиань и напугал до обморока толпу полуобнажённых женщин; превосходное дочернее вино из Павильона павлинов превратилось в драгоценный нектар в тыкве-сосуде старца Цзинь Гуя, из-за чего тот на своём тысяachelетнем юбилее пустился в пляс, заплетая усы генерала Ма в косички!

Для жителей Города упокоения феникса эти ежедневные комичные происшествия на улицах стали постоянным источником шуток и сплетен, и они не упускали возможности посмеяться или поругаться.

Однако, чем больше Цзюнь Улэй развлекался на улицах, тем сильнее он чувствовал внутренний дискомфорт, который, пожалуй, никто не мог понять. Он чувствовал, что с ним что-то не так, совсем не так, начиная с того дня, когда у него начались проблемы с пищеварением!

Дело в том, что самый отчаянный маленький хулиган Востока в Царстве духов внезапно заболел любовной тоской! Каждую ночь в его снах появлялась пара влажных, сияющих фениксовых глаз...

Те дрожащие алые губы, обнажённая шея, словно прекраснейший нефрит, приобретающая в его ладонях пьянящий розовый оттенок; то поднимающаяся и опускающаяся гладкая грудь и не сдерживаемые стоны — всё это снова и снова появлялось в его мыслях, не давая покоя!

Постепенно узкие фениксовы глаза из снов стали сливаться с парой глаз с тонкими, изогнутыми уголками, которые, улыбаясь, напоминали серебряные полумесяцы, превращаясь в ослепительную улыбку Хуа Фэйбая, словно тысячи цветов персика одновременно расцветали...

Цзюнь Улэй яростно потрянул головой, пытаясь выбросить из головы эти беспорядочные мысли. Как он мог видеть такие неприличные сны? Хотя он и хотел бы с Хуа Фэйбаем, ну, эээ... но они всегда были чистыми мужскими друзьями!

Он любил первую красавицу Царства духов — Хуа Фэйбая, и это была болезнь, с которой он родился, от которой не мог избавиться и не собирался.

Он помнил, как много лет назад Хуа Фэйбай держал его, маленького и мягкого, на руках, нахмурился, понюхал и чуть не выбросил его прямо в облака!

Именно за то, что, даже будучи одурманенным запахом, он сохранил идеальное достоинство, улыбнулся ему самой доброй и очаровательной улыбкой, нежно ткнул его в нос и сказал:

— Ты обязательно прославишь девять провинций и станешь великим героем! Отныне зовись Улэй — Цзюнь, покоряющий мир, мужчина без слёз.

С этого момента Цзюнь Улэй поклялся следовать за ним!

С тех пор Цзюнь Улэй любил первую красавицу Царства духов Хуа Фэйбая и стремился стать его спутником, и эта беспрецедентная история стала известна далеко за пределами облаков, вызвав беспрецедентный ажиотаж.

Там, где есть люди, есть и сплетни, и это правило работает и в Царстве духов. С тех пор трения между поддерживающими и противоборствующими фракциями и кровавые стычки стали частью современной истории Царства духов.

Всевозможные женские группы, от бабушек до молодых девушек, были в восторге от его смелого стремления к любви, несмотря на разницу в возрасте, и часто дарили ему рисовые шарики, рубашки, носки и вышитые пояса с любовью.

Кроме того, они помогали на Горе Безмятежности, держа таблички с надписью «Фэйбай, Фэйбай, мы тебя любим!»; на тысячелетнем железном дереве они оставляли свои имена на огромном баннере с надписью «Фэйбай, Фэйбай, исполни мечту влюблённого Улэя!»; или же на одном из дней рождения Хуа Фэйбая они играли массовку в мюзикле, который Цзюнь Улэй специально для него поставил, под названием «Музыкальная молодость — пойдём со мной, не пожалеешь!»

Но если кто-то восхищался, то были и те, кто ненавидел, и сила хейтеров тоже была велика. Обычно после того как Цзюнь Улэй совершал что-то грандиозное, в городе наступали беспокойные времена, и, хотя женские фан-клубы почти круглосуточно защищали его, стоило ему остаться одному, как он тут же превращался в «свиное рыло».

Это было странно: Цзюнь Улэй родился с врождённым дефектом — двумя странными и пугающими пальцами на правой руке, и с детства его растил Хуа Фэйбай, так что он был крепок, как бык, но его духовная сила была настолько слаба, что он едва мог постоять за себя.

Благодаря усилиям Хуа Фэйбая он освоил искусство полёта на ветру, но как бы он ни старался,

его духовная сила оставалась на уровне начинающего, и он мог использовать только самые простые заклинания, будучи практически слепым в этом отношении!

Если бы он был в мире людей, это было бы как быть неграмотным и инвалидом, и, как говорили старики, он был обречён на одиночество! Но он был миловидным, с большими глазами и круглым лицом, а его сладкий язык мог уговорить кого угодно, так что тётушки и бабушки были готовы отдать ему всё, что у них было.

Тем не менее Цзюнь Улэй дожил до девяноста лет, что по человеческим меркам было примерно шестнадцать или семнадцать лет, и вскоре ему предстояло пройти торжественный обряд увенчания, чтобы официально стать взрослым!

Но в этот важный момент Цзюнь Улэй, который никогда ничего не боялся, вдруг испугался вернуться домой! Днём он разгуливал по улицам, наслаждаясь поддержкой фанатов, но с наступлением ночи его охватывало чувство тревоги при мысли о возвращении домой...

Эх, можно только сказать — что за напасть!

В последнее время Цзюнь Улэй избегал Хуа Фэйбая и уже больше месяца не возвращался на Гору Безмятежности.

В эту ночь он наконец собрался с духом и направился к дому Хуа Фэйбая. Переступив порог, он издали увидел тусклый свет свечи, пробивающийся через приоткрытые ставни, и вдруг заколебался.

Изнутри донёлся слабый кашель, и Цзюнь Улэй встревожился, быстро шагнув вперёд и, не раздумывая, распахнув дверь...

Перед ним оказалась ширма с вышитой веткой персика, на которой цветы, то раскрываясь на ветру, улыбались, то полураскрытые, прятались, а больше всего было пушистых бутонов с розовыми кончиками, таких же изысканных и очаровательных, как хозяин комнаты.

За ширмой Цзюнь Улэй увидел опущенные светло-фиолетовые занавеси, тускло мерцающие свечи и слабый силуэт, появляющийся за тонкой завесой. Окна и двери были плотно закрыты, воздух был тяжёлым, почти догоревшие свечи оставляли толстые наплывы воска, и знакомый аромат сменился горьким запахом лекарств.

Для Цзюнь Улэя эта картина была не новой — в те годы, когда он был ещё ниже кровати, занавеси Хуа Фэйбая всегда были опущены, а запах лекарств заполнял комнату, что стало частью его детских воспоминаний. Но в последние годы это стало редкостью, и он забыл, что здоровье Хуа Фэйбая не так крепко, как кажется.

Нахмурившись, он подошёл к кровати и отодвинул занавес...

Свеча горела тускло, затуманивая глаза юноши.

Хуа Фэйбай, одетый в лёгкую одежду, полулежал на кровати, его щёки были покрыты румянцем после кашля, как прилив в конце весны, с болезненным румянцем, добавляющим к его и без того совершенной внешности оттенок соблазна.

— А-Фэй? — сердце Цзюнь Улэя сжалось, он поспешил подтянуть сползшее одеяло и укутать его, затем прикоснулся ко лбу.

Обычно холодная кожа теперь была обжигающе горячей.

Внезапно в ушах раздались шаги, и в полусне Хуа Фэйбай почувствовал, как на его плечи опустилась тяжесть, а тело окуталось мягкостью, принося тепло.

<http://bllate.org/book/15278/1348684>